

Андрей Мажоров

**Дьявольский полдник.
Петербургская пьеса**

«Издательские решения»

Мажоров А.

Дьявольский полдник. Петербургская пьеса / А. Мажоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853503-1

4833 год от Р. Х. С.-Петербург. Перемещение в Прошлое стало обыденным делом. Группа второкурсников направлена в Петербург 1833 года на первую практику. Троицу объединяет тайный заговор. В тот год в непрерывном течении Времени возникла дискретная пауза, в течение которой можно влиять на исторические события и судьбы людей. Она получила название «Файф-о-клок сатаны», или «Дьявольский полдник». Пьеса стала финалистом 9-го Международного конкурса современной драматургии «Время драмы, 2016, лето».

ISBN 978-5-44-853503-1

© Мажоров А.
© Издательские решения

Содержание

Сцена первая	6
Сцена вторая	14
Сцена третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дьявольский полдник Петербургская пьеса

Андрей Мажоров

Дизайнер обложки Дмитрий Андреевич Мажоров

© Андрей Мажоров, 2017

© Дмитрий Андреевич Мажоров, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3503-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица

Крис Алдонин («Пашка»)

Йоган Витте («Йоги»)

Алекса Корзухина («Катя»)

Петр Михайлович Тёлушкин, кровельщик

Анисья, его жена

Алексей Алексеевич Пантелеев, купец

Аристарх Осипович Валенюк, литератор

Шарлотта Федоровна Кирхгоф, гадалка

Иван Степанович Михеев, квартальный надзиратель

Антон Михайлович Поприскин, титулярный советник

Маруся Харина («Дева»), прачка

Жорж Дантес, кавалергард

Санитар из смирительного дома

Второй санитар

Человек в шляпе, писатель

Хозяин трактира «Услада друзей»

Половой

Уличные персонажи первой трети девятнадцатого века

Сцена первая в которой зрители знакомятся с главным героем, попавшим под подозрение

Звучит Полуденный выстрел. На заднике появляется изображение ангела Петропавловской крепости и надпись – «1833 год. Санкт-Петербург». Затем изображение гаснет.

Подвал в доме купца Пантелеева на Малой Дворянской улице. Утро, полумрак. Под иконой светится лампадка. На нарах раскинулся Телушкин – в одежде и сапогах. Пашка метет веником пол. На столе кипятится самовар, рядом с ним стоит пустой штоф, горит свечка.

Т е л у ш к и н (стонет). Матерь Божия, царица небесная...

П а ш к а. Помолись, помолись, Петр Михайлович. Легше станет.

Т е л у ш к и н. Пить дай, сволочь!

П а ш к а. Тока шо самовар поставил. Потерпи маленько.

Т е л у ш к и н. Из ковша дай.

П а ш к а. Сыру не дам. И не проси.

Т е л у ш к и н. Чертов ты сын, Пашка! Ирод ты окаянный... Совести у тебя нет. Дай, сказал!

П а ш к а. Давеча приходили за ключами от нового жильца. От доктора, с тринадцатой. Строго-настрога наказали: сыру воду нипочем не пить, руки опосля нужника мыть с мылом, чистоту блюсти, как родну жену. (Выпрямляется, неодобрительно смотрит на Т е л у ш к и н а.) В сапожищах на постеле отнюдь не валяться.

Т е л у ш к и н. Врешь, дурак.

П а ш к а (снова метет). Холера... мён... мёр... Как ее, вражину... Мёрбис, вроде.

Т е л у ш к и н. Сам ты холера.

П а у з а.

Т е л у ш к и н. В штофе, глянь-ко. Не осталось ли?

П а ш к а (не глядя). Ни капли-с.

Т е л у ш к и н. В лавку сгоняй, я тебе рупь дам.

П а ш к а. Да кабы он был у тебя, рупь-то...

Т е л у ш к и н. А ты почем знашь?

П а ш к а. Ты же сам хватился. Вчерась еще. Вот как ентот добрал.

Т е л у ш к и н. Мне подряд подкатили. Возьми в долг!

П а ш к а. Да уж не дают, в долг-то.

Т е л у ш к и н. Господи, помилуй... (Внезапно садится на нарах, говорит четко и грозно). Ежели ты, сучий сын, мне шас же не дашь похмелиться, я тя... топором зарублю! (Тут же со стоном валится на спину.) Отвару дай мамкиного. Спасает он меня, слышь ты...

П а ш к а. Кончился отвар. Весь ты его выдул, Петр Михайлович... Снова в деревню надоть, да не доедешь нонече.

По шаткой лестнице в подвал осторожно спускаются купец П а н т е л е е в и фельетонист В а л е н ю к. Купец крестится на темную икону в углу подвала. В а л е н ю к с недоумением озирается.

К у п е ц. Сюды пожалуйте. Здесь они проживают.

В а л е н ю к. Как-то тут... э-э... весьма амбре.

К у п е ц. Уж знамо дело – вонят. Мужичьё-с!

Купец по-хозяйски подходит к столу, встряхивает штоф над ладонью, скатившимися каплями растирает шею. Крякает. Фельетонист, ступая по-кошачьи, приближается к Т е л у ш к и н у и наводит на него лорнет.

В а л е н ю к. Так это он и есть, наш герой?
К у п е ц. Собственной персоной. Пётра! Ты живой али как?
П а ш к а. Со вчерашнего они.
К у п е ц (снизойдя до П а ш к и). Ты кто?
П а ш к а. С артели евонной. Новик.
К у п е ц. Могёшь что?
П а ш к а. Так, фальцы... гнем. Гибёж делаем. Да всё...
К у п е ц. Звать как?
П а ш к а. Пашкой.
К у п е ц. Почему здесь? Артель-то он распустил давно.
П а ш к а (шмыгнув носом). На подхватках я. Жалко яво, пропадат. Так-то он дядька хороший и кровельщик от Бога... Только пьёт... Ух ты, как пьёт! Как утка беззобая...
Т е л у ш к и н, застонав, отворачивается лицом к стене. В а л е н ю к с удивлением замечает на ней семиструнную гитару с бантом, разглядывает в лорнет, проводит пальцем по струнам. Потом внимательно изучает прикрепленную рядом картинку, читает вслух: «Мужики Долбило и Гвоздило, побивающие французов».
К у п е ц. Вот как гостей встречат... Михалыч, пробуждайся! Дело есть.
В а л е н ю к. Представляется, душа моя, беседу придется отложить.
К у п е ц. Зачем отложить? Не надо. (Посмеиваясь.) Сие поправимо-с!
В а л е н ю к. Согласитесь, встреча с предметом моего очерка принимает несколько... сатирический характер. Вы не находите? В другой раз, пожалуй.
К у п е ц. Вы про запой изволите? Так ён... и в другой раз будет. Пьяное рыло – чертово бороздило. А дельце-то надо сполнить. Дельце-то... (Обращается к П а ш к е). Сыпь сюды!
К у п е ц роеся в карманах сюртука, извлекает деньги, быстро пересчитывает.
К у п е ц. Сгоняй в «Усладу друзей», возьми анисовой. (Оглядев В а л е н ю к а.) Штофа два, што ли...
П а ш к а. Слушаю-с!
В а л е н ю к. Право, душа, уж я и не знаю.
К у п е ц. Вы, господин сочинитель, к столу присядьте покаместь. Вот и самовар поспел... (П а ш к е.) Баранок возьми, балычку астраханского. Икорки свежей фунт, огурцов тама. Лямон...
П а ш к а (выкатив глаза). Слушаю-с!
К у п е ц. Хлеба-то нет в доме? Да куды... Хлеба тоже возьми.
П а ш к а. Есть-с!
К у п е ц. И чтобы пулей. (П а ш к а мгновенно исчезает.) Не побрезгайте, господин писатель, заодно уж и закусить. Что за беседа... без соли и хлеба. Вы, я чай, не против?
В а л е н ю к. Ну, что же... Разве по-русски, запросто... Для чего нет-с? (Покосившись на Т е л у ш к и н а, церемонно усаживается за стол, кладя рядом цилиндр и перчатки.)
К у п е ц (садясь напротив, глядя на Валенюка). Пётра, тудыть и растудыть! Двор не метён, поди, три дни! Разлегся он, страдат... Он, милостивец мой, вот как жена его преставилась... (Крестится на икону.) Господи, помилуй... Остатний разум потерял. И ране был дурак дураком, а пося...
Т е л у ш к и н (в стену). Молчи, истукан...
К у п е ц. О, о! Гляньте-ка, очнулся!
Т е л у ш к и н. Не бреши, про что не знашь...
К у п е ц (передразнивает). «Не знашь»... Ух ты, брат, каков!
Т е л у ш к и н (поворачиваясь на спину). За больное место не тронь...
К у п е ц (В а л е н ю к у). Из жалости токмо терплю енто... явление природы.

В а л е н ю к. Что же поделать? Эпидемическое русское заболевание, чуме или оспе подобное. Антре ну... (Понизив голос, извлекая блокнот.) Известный либералист... и с направлением-с... в аглицком своем журнальчике так прописал... (Читает.) «Когда у него... то есть, у мужика-с... все средства борьбы исчерпаны, наш соотечественник выражает свой протест в том числе и пьянством». Каково?

К у п е ц. Это да... Девяти еще нет, а ён уж протестуеть...

В а л е н ю к. Не умею сие постичь.

К у п е ц. Подумать только! Это вот самое чудо-юдо к самому государю водили! И денег-то ему дали, чурке ярославской, что грязи, и в газетах прописали аж с патретом, и подряды тут же пошли... Все пропилил, дурак. Все как есть пропилил. Одна медаль осталась. Михалыч! Медаль-то свою не пропилил, я говорю?

В а л е н ю к. Желательно бы взглянуть на сей, станем так говорить, артефакт. (Снова раскрывает блокнот, делает пометку карандашом.)

К у п е ц. За Образом держит, ежели не продал. (Лезет за икону, достает медаль на ленте и серую тощую брошюрку.) Пылишши-то... Вот она, царева награда. На анненской ленте! Вот, извольте видеть. (Протягивает медаль В а л е н ю к у.) А это вот – господина Оленина сочинение. Про олуха еного. (Сдувает пыль с брошюры.)

Т е л у ш к и н. Положь обратноь.

К у п е ц. Я ведь его, орясину такую, зачем взял? Чтобы медаль свою поверх фартука носил. Чтобы всякий видел, каки-таки дворники у купца первой гильдии Пантелеева Лексея Лексеича на службе состоят. Кровельщик... Какой из него таперя кровельщик, ежели руки у него ходуном ходют... Да мотает из стороны в сторону, как чучелу на ветру! Того и гляди, навернется с высоты-то...

В а л е н ю к. Зато, голубчик, от постояльцев-то, верно, отбою нет.

К у п е ц. Да ведь как люди говорят: не до барыша, была бы слава хороша.

В а л е н ю к. Метко-с. (Записывает в блокнот.)

К у п е ц. И поверите ли, господин писатель – медальку сию так ни разу и не надел. Уж и просил я его человечно, и бранил – ни в какую. Горда-ай...

Т е л у ш к и н. Болтай, болтай...

В а л е н ю к (читает). «О починке креста и ангела без лесов на шпиге Петропавловского собора в Петербурге. В типографии Греча. (Переворачивает страницу.) «Печатать позволено... Апреля второго дня 1831 года. Цензор Семенов».

К у п е ц. Уважительно господин Оленин, Алексей Николаевич, отписал. Потомкам в назидание-с. (Молчание. Неожиданно громко и злобно.) Пять тышш рублей ассигнациями государь самолично вручил! Облому такому! Так он все и пропилил. Все, как есть, просадил по кабакам, чурка неблагодарная!

Т е л у ш к и н. Врешь, собака!

К у п е ц. Ага, ага...

Т е л у ш к и н (садясь на нарах). И мелет, и мелет, что твоя мельница. Ух-м, гр-хм, царица небесная... (Крестится трясущейся рукой.)

К у п е ц. Возьму вот и выкину тебя отсель! Чтобы духу твоего перегарного тут не осталось...

В а л е н ю к (извлекая трубку и вальяжно раскуривая ее от свечки). Русскому человеку, любезный мой Алексей Алексеевич, от веку свойственны сии, галантерейно выражаясь, метания-с. Вихри страстей! Душевная, станем так говорить, необузданность! Будем снисходительны-с. Какой-нибудь германский Ганс, оказавшись в случае и став нечаянно обладателем солидного капитала, тут же пустит оный в дело. Тут же! Все исчислит и предусмотрит! Натурально, наш Ганс пьяница тоже... монструозный, но токмо по воскресеньям. Исключительно-с! В протчие же дни он – прилежный работник и рьяный приумножитель состояния. Но на шпиг-

то он в одиночку не полезет, вот в чем штука! К ангелу вознестись – безо всякой, станем так говорить, европейской машинерии – не возжелает-с! А русский мужичок – вот он каков! Он лишь переобулся, в ладони поплевал, да и полез! На одних вервях, едино с помощью смекалки и силы телесной небес достиг!

Т е л у ш к и н (хмуро, почесывая грудь). Не обувался я. Босый залазил.

К у п е ц. Ты молчи и слушай, что умные люди говорят.

Т е л у ш к и н. Склизкие лапти-то. Не держуть.

В а л е н ю к. Важная деталь, канальство! (Делает запись в блокноте.) Будущим починщикам креста – на заметку.

Т е л у ш к и н (спуская ноги с нар и широко зевая). А шо случилось-то? Сызнова, никак, покривился?

К у п е ц. То-то и удивительно, что до сей поры наземь не сверзился.

Т е л у ш к и н. А ты слазай, проверь работу-то... Я на сей случай тама трапку оставил.

В а л е н ю к (строча в блокноте). Что сие значит?

К у п е ц. Речение грубое, мужицкое. Лестница веревочная.

Т е л у ш к и н. «Речение»... (С трудом встает; согнувшись, потирая поясницу, движется к столу, придвигает ногой к себе табурет, присаживается и обращается к В а л е н ю к у.) Вот вы тут обронули – «нечаянно» -де капиталом обзавелся. А я ведь шесть годов енто «вознесенье» обдумывал! Вот как в Питер пришел да ангела бескрылого увидал. (Наливает кипяток из самовара, пьет, обжигаясь.) «Нечаянно»... И, главно, никому дела не было! Покуда сам комендант, господин Сукин, чуть кровельным листом по башке не получил. Мимо шествовал.

К у п е ц. Не Сукин, а СукИн.

Т е л у ш к и н. Сукин, Сукин, чего уж тама. Брешет на людей, как твой кабысдох.

К у п е ц. Говори, да не заговаривайся!

Т е л у ш к и н (В а л е н ю к у). Немец тоже был, куды ж без них. Бокман, цыркуль заморский... Пятнадцать тышш серебром, слышь ты, за починку запросил! И дали бы, как Бог свят, дали бы, страм-то какой. Первопрестольный храм столицы, а, стало быть, и всей расейской империи... Крест же – кривой, ангел – с обрубок заместо крыла, прости, Господи... Рухнет, того и гляди, с верхотуры-то... А ну, пришебеть кого?

К у п е ц. Божье знамение в сем видели.

Т е л у ш к и н. Ежели по темечку кому треснет?

В а л е н ю к. А что же Бокману... подряда не дали? Работа немецкая – уж не чета нашей.

Т е л у ш к и н. Ну уж сразу – «не чета»... Порядков ён здешних не знал. Откатил бы соборному-то, а то и самому господину Сукину, глядишь – и дали бы.

К у п е ц. Ты, что ли, откатил? Догадки-то придержи свои!

Т е л у ш к и н. Дешевизной я осилил. Токмо на анструмент и материал запросил. Одну тышшу четыреста семьдесят один рупь ровным щётом. Как сейчас помню. А в залог оставил свою собственную жизнь. Больше ведь нечего. Брюхо да руки – иной нет поруки, как у нас артельщики говорят. Коли навернусь – заройте, мол, Телушкина Петра Михайловича во рве крепостном, да и дело с концом... (В а л е н ю к у, понизив голос.) С собой нету ли чего-нить?

К у п е ц. Кровельщик... Чужу кровлю кроет, а своя текёт. Послали уже, сиди.

Т е л у ш к и н. К-хм, гр-м... Да. (Молчание.) А вы, я извиняюсь, кем будете?

В а л е н ю к. Валенок, Аристарх Осипович. «Петербургский Меркурий». Культура, искусство, моды... Литературные критики.

Т е л у ш к и н. А-а... Ну-ну. (Пауза.) Неурожай, слышать, в Расее-то?

В а л е н ю к. Пушкин, Александр Сергеевич, в беседе со мною намедни так блеснул: «Время бедное и бедственное». (К у п е ц у.) Каково-с?

К у п е ц. Лихо... сказано.

В а л е н ю к. И прибавьте – двоясмысленно-с! Какова метафора! Талант, станем говорить, хоть ныне и дремлющий – все талант!

Т е л у ш к и н. Так...

В а л е н ю к. В подтверждение каламбура-с первый наш поэт поведал мне об явлении странном и зловещем. Вообразите, в доме придворной конюшни стулья пляшут по ночам, рюмки со стола сами кидаются в потолок.

К у п е ц. С нами крестная сила!

В а л е н ю к. Сии мистические знаки суть предвестие бед и потрясений ужасных. Ученые астрономы докладывают: к Земле летят два огромных небесных тела.

Т е л у ш к и н. Со всем прибором сатана...

В а л е н ю к (торжествующе). Полицейское дознание результатов не дало! Никаких следов!

К у п е ц. Водю бы святою окропить.

В а л е н ю к. Явились и попы – не помогло! Танцуют мебели, да и все тут.

Т е л у ш к и н (осторожно). А чёртики по полу не бегают? Я-то вижу другой раз...

К у п е ц. Тьфу! Рюмкой пить надо, а не стаканом! Господин журналист писать про тебя собрался, оставить, понимаешь, начертание еройской жизни, а ты ему – про чертей... От облом...

В а л е н ю к. И еще происшествие, господа: на балу у княгини Барятинской вышел скандалёзный казус – молодой Мещерский, гвардии поручик, в одночасье предстал перед дамами в натуральном, станем так говорить, естестве.

К у п е ц. Это как?

В а л е н ю к. В один секунд сделался совершенно голым-с! То есть абсолютно!

Т е л у ш к и н. К-хм, гр-м...

В а л е н ю к. Вообразите: при исполнении мазурки с него мгновенно слетели все одежды! Даже исподнее! И растворилось на воздухе! Несчастный поручик, сего не заметив, продолжил скакать по залу, выделывая оригинальные па и сотрясая всем, что мужчине, я извиняюсь, иметь положено-с!

Т е л у ш к и н. Га-а-а!

К у п е ц. И ну!

В а л е н ю к. Дочь княгини, натурально – в обмороке, дамы визжат, кричат караул, а старая, пардон, хрычовка, представьте, громогласно трубит: «Зачем караул? Не надо караул. Пусть и далее пляшет!»

Рассказывая о происшествии, В а л е н ю к встает, огибает стол, приближается к Т е л у ш к и н у и внимательно рассматривает его в лорнет.

В а л е н ю к. Такова хроника дня-с.

К у п е ц. Что деется... Вот и про тебя, Пётра, опишут. Как ты в одних портках на шпич... вознесся.

Т е л у ш к и н (смущенно скребя в бороде). Так ведь... тады ишо описали. Года два уже, поди, минуло.

В а л е н ю к вдруг приседает и разглядывает Т е л у ш к и н а снизу.

К у п е ц. Статую ему справить... И на собор водрузить – заместо ангела.

Т е л у ш к и н. А ты не подначивай! Тоже мне – барин... да ведь и я – не татарин.

В а л е н ю к распрямляется, подступает к Т е л у ш к и н у вплотную и вдруг молча лезет к нему руками под бороду.

Т е л у ш к и н (ошарашенно). Ты чего, вашскобродь? Ты чего? Чего ты?

В а л е н ю к (отступая, недовольно). Ничего там нет. Одни заросли.

Т е л у ш к и н (мотая головой, изумленно). Да чему там быть-то?

К у п е ц. Извёл, чай. Да была она, была. Сам видел.

В а л е н ю к (делая пометку в блокноте). Она... была.

Т е л у ш к и н (испуганно). Кто... была?

В а л е н ю к. Примета сладчайшего бытия. Вечный, станем говорить, элизиум-с.

Т е л у ш к и н. Кто-о-о?!

К у п е ц. Пароля одна.

Т е л у ш к и н. Кто-о-о?!

К у п е ц. «Хто, хто...» Заладил! Наколка твоя знаменитая – «Лей вволю». Ты по ей в кабаках щелкал. Зайдешь, бывало, – и ну по шее стучать, над половым куражится! Сполнай-де государев указ! С тех пор весь Питер эдак щелкает. Да, можно сказать, и вся Расея.

Т е л у ш к и н. Брехня это! У нас в деревне спокон веку так щелкали.

К у п е ц. Бумагу-то цареву, небось, всю на самокрутки извел?

Т е л у ш к и н. Каку бумагу?

К у п е ц. «Каку, каку...» А что угощать ты беспрепятственно в каждом трактире? За подвиг твой невозможный. Сам же молол тута.

Т е л у ш к и н (сокрушенно). Пьян, видать, был. Вот и молол. Не вспомню, вот те крест...

К у п е ц. Ботало ты коровье.

В а л е н ю к. Бытует мнение, что кроме медали и внушительной суммы государь изволил одарить вас некой удивительной привилегией – всякий раз и без оплаты угощаться в любом, станем так говорить, заведении.

Т е л у ш к и н. В любом? На дармовщинку? Да шоб со мной тогда было... Не, их величество токмо молодцом аттестовали, да посетовали, что, мол, ростом мелковат. Не то, грит, вышел бы с него добрый кавалергард.

В а л е н ю к строчит в блокноте. С корзиной, полной съестного, по лестнице в подвал скатывается П а ш к а.

К у п е ц. За смертью ты посылать.

Т е л у ш к и н. Не гневи Бога, паря справный. Наш, ярославский... У нас тама все такие – рукастые да глазастые.

К у п е ц. Сдачу себе оставь.

П а ш к а. Благодарствуйте! (Быстро и ловко выставляет на стол припасы и бутылки.) На улице, у ворот – экипаж застрял. Медикусы... Кучер прямо медвежина, прости, Господи... Распоследними словами кроеть... Хорошо, не по матерну.

К у п е ц. Шо ему не так?

П а ш к а. Так лужа под воротами... мелок брод – по самый рот! Лошадь не идёт, пужается... Во двор-то не въехать ему... В обход доктора пошли, огородами! За психическим нарядились, вот что по ночам воеет. С двадцать шестой.

К у п е ц выразительно смотрит на Т е л у ш к и н а. Потом, виновато, на В а л е н ю к а.

К у п е ц. Шустрый... Давно к артели-то прибился? Питер, он ты быстро выучит...

Т е л у ш к и н. Питер – все бока повытер. Ён сам – не промах. На лету все хватат... Так, что ли, Паша?

К у п е ц (неопределенно). Вчерась из деревни, а уже – глядишь – петербургец.

П а ш к а радостно улыбается.

Т е л у ш к и н. Взваром своим чудодейственным меня спасат. Mamka его травы знат, заговоры... (Трясущимися руками берет штоф и, содрогаюсь, открывает его.) Ежели я это... гр-хм... приболею. (П а ш к е.) Стклянки поищи тама... Сразу, понимаешь, оттягиват. А поёт, бродяга, как все равно на тиятре. Где, скажи, токмо наловчился? Люблю я, грешный, песнито... Пашка? Споёшь компании, что ли?

П а ш к а. Можна. (Шмыгает носом, отступает от стола.) Пожалте фрыштык!

К у п е ц. Мы к тебе пришли не песни петь. (Отбирает у Т е л у ш к и н а штоф, сам разливает.) Дай я, расплещешь еще. По делу давай. Господин писатель желает знать, как ты до жизни такой дошел. Запьянцовской.

В а л е н ю к. Новый раздел наш будет называться – «Столичные физиологии».

Т е л у ш к и н. Так...

В а л е н ю к. В сем разделе намерены мы отразить быт и нравы северной нашей Гоморры. Со всей, станем так говорить, писательской дерзостью и гражданской прямоотой. Не взирая на лица, сословия и чины. (Берет рюмку, строго на нее смотрит.) От чего, к примеру, славные сыны Отечества нашего столь несуразно употребляют? Зачем пребывают в такой, как бы это выразиться, горькой нищете и пьяной непотребности?

Т е л у ш к и н. Кх-м... Угу. (Тоже берет рюмку и тоже ее разглядывает.) Зачем?

В а л е н ю к. Заглянем в потаенные углы, навроде вот вашего. Что ж такое? Герои истинные, мастеровые люди – гордость Отчизны! А? Обитают в тухлых, станем говорить, углах. А сокрушители Бонапартия? Воины, всю Европу прошедшие, позабыты, позаброшены, влачат ничтожное существование, ютятся в подвалах, погрязли в пьянстве и немислимом разврате! В то же время народы европейские и заметьте – побежденные-с! – процветают и в хозяйственном, и в культурном значении!

Т е л у ш к и н. Дурак народ наш... Пороты мы, видно, мало. (После паузы, осторожно.) Так что, гости дорогие? Со свиданьцем?

Все трое выпивают, крикают. В а л е н ю к и К у п е ц закусывают, Т е л у ш к и н шумно нюхает рукав. П а ш к а вертится рядом.

Т е л у ш к и н (морщась). Ему плеснем, что ли?

К у п е ц (жуя). Вот еще, мальчика спаивать... Где метлы твои?

Т е л у ш к и н. В углу тама.

К у п е ц встает, направляется в дальний угол, выбирает метлу и ведро, жестом подзывает П а ш к у.

К у п е ц. На-ко, поработай. Три дни ни двор, ни улица не чищены. Лужу вычерпай! Неровен час, надзиратель заявится. Гривенник дам.

П а ш к а. Сделаем!

В а л е н ю к и Т е л у ш к и н между тем продолжают беседу.

В а л е н ю к. А признайтесь, милейший, что же изначально побудило вас к этой, станем так говорить, пагубной страсти? С вашим ремеслом решительно не совместной?

Т е л у ш к и н (помрачнев). А дурость моя несусветная. (Быстро разливает по стопкам.)

В а л е н ю к. Однако же заметил здесь любезный мой проводник о скоропостижной кончине супруги вашей... Как, бишь, ее?

Т е л у ш к и н. Анисей звали. Ну тады, стало быть, помянем. Вроде как – годовщина у нас сегодня. (Выпивают.) Э, нет, господин писатель – до дна. За помин – токмо до дна, обидишь...

В дальнем углу продолжается разговор, не слышный для выпивающих.

К у п е ц. Ты вот что еще... (Берет П а ш к у за воротник и близко притягивает к себе.) Ты каким-таким отваром нашего Пётру выпиваешь? Поделится бы...

П а ш к а. Так мамка с собой дала. На травах луговых да на березе. Да на шишках еловых.

К у п е ц (оглянувшись, еще тише). Специфический стероидный токсиноблокатор общего действия «Эол 304 М»?

П а ш к а ошарашенно молчит.

К у п е ц (снова оглянувшись, почти шипя). Еще раз услышу – отчислю с практики к чертовой матери. Марш на улицу!

П а ш к а пятится к лестнице, не сводя глаз с К у п ц а.

П а ш к а. Все сделаем в лучшем виде, Лексей Лексеич! Не извольте сомневаться! (Исчезает.)

К у п е ц (громко, вдогонку). И лужу от ворот отгреби! Развели мне тута... моря-окияны!
Не пройтить, не проехать!

Сцена вторая в которой обычный петербургский двор становится местом загадочных происшествий

На улице Пашку встречает серое питерское утро: воробьиное чириканье и воронье карканье, отдаленный барабанный бой, пиликание шарманки и почти сразу – отчаянный, нечеловеческий крик. Два огромных санитаров в грязно-белых халатах выволакивают из дверей полуголового связанного человека. Сумасшедший дико выкатывает глаза, издает нечленораздельные звуки и плюётся. На шум собирается разношёрстный народ – мастеровые, разносчик с корзиной на голове, мелкий чиновник; шарманщик перестает крутить ручку своего разбитого инструмента; кое-где распахиваются окна, высовываются бабы. Изловчившись, сумасшедший высвобождает одну руку и с торжествующим воплем хватается за нос одного из санитаров.

С а н и т а р. Дво... Ах ты, бесов сын! А ну,пусти! Дворник! Дво... (Мотает головой, пытаюсь освободить свой нос.)

С у м а с ш е д ш и й. Как смеешь ты, скотина, тащить самого царя гишпанского? Харя твоя немытая!

Из толпы доносятся смех и советы: «Под микитки яво! Под вздохи пхни яво! Так-то, эх!»

С а н и т а р. Дворник, черти тебя раздери! (Подскакивает **П а ш к а.**) Ты, что ли, дворник?

П а ш к а. Точно так!

С у м а с ш е д ш и й. А-а-а, капуцины мавританские! Христопродавцы! Вот тебе! (Бодает головой второго санитаров в грудь.)

С а н и т а р. Ключ от фатеры в кармане возьми... В халате, слышь, возьми...

В т о р о й с а н и т а р. Я те пободаюсь, крапивное семя! Получай! (Сильно бьет сумасшедшего по голове. Тот обмякает, его снова связывают. **П а ш к а** вытаскивает ключ.) Квартального дождися, пусть обсмотрит все у него. Бумагу составит, то-сё. Некогда нам тут с ним... прохлаждаться.

С а н и т а р. В четвертом этаже каморка его! Под крышей!

П а ш к а. Знаю я!

С у м а с ш е д ш и й (очнувшись, горестно). Что ты знаешь? Ты ничего не знаешь. Мне жаль тебя, магометанин, дитя природы... Ты зришь, как падают короны и главы избранных родов! (**С а н и т а р у**, жалобно). Пусти руку, рожа... Наследника престола прибил, опричник...

С а н и т а р (толпе). А вы чего уставились? Балаган вам тута, представление? (**П а ш к а** теснит зевак, выставив перед собой метлу. Нехотя публика подается назад.) Дворник, куда ты опять делся?

П а ш к а. Здесь я!

С а н и т а р. Туды, что ли, в обход?.. Туды, нет?

П а ш к а. Куды туды?

С а н и т а р. На Дворянскую вашу, «куды», аристократия голодрана... Собралися, смотрют... Нет, чтобы лужу вычерпать... Ходи тута, ноги ломай...

С у м а с ш е д ш и й (изнемогая). Свободу России!

В т о р о й с а н и т а р. Сами скоро в нее ляжете... Поросья православные...

С а н и т а р ы уволакивают хныкающего сумасшедшего. Толпа постепенно расходится. Шарманщик вновь начинает крутить ручку, наполняя двор унылыми звуками. Хлопают закрывающиеся окна. К **П а ш к е**, взявшемуся за метлу, подходит последний из зрителей – остроносый молодой человек в плаще, с волосами, ниспадающими на плечи из-под широкополой шляпы.

Ч е л о в е к в ш л я п е. Послушай, малый...

П а ш к а. Чего изволите-с?

Ч е л о в е к в ш л я п е. Вот этот... безумный... Кого увели. Кто он таков?

П а ш к а. Поприскин, титулярный советник... С двадцать шестой. Квартировал с Марфой Пономаревой, кухаркой. Токмо она теперь в деревню подалась – страшно, вишь, с блаженным проживаться... Так-то он тихий был, незлобный, все в должность ходил, газетки читал да бормотал всякое... несурзное. Придет, бывало, с присутствия и сразу в постелю.

Ч е л о в е к в ш л я п е. Так обычное дело.

П а ш к а. Однако платил исправно, ничего не скажу. Достатков ему сильно не хватало, вот это было приметно. От того и повредился.

Ч е л о в е к в ш л я п е (негромко, сам себе). Чудесно... Титулярный советник от нищеты с ума сошел. Интересно... Ах, как хорошо...

П а ш к а. Приходили тут к нему – с департамента. Так ён на четвереньки упал и ну – собакой лаять! Потом встает, руку эдак вытягиват и давай их поносить! «Циклопы, шумит, мандарины китайские! А главная безобразия ваша – сам господин енерал! Будьте вы все прокляты!» Да как завоет, аж кровь в жилах застыла... Эти-то, товарищи его, по лестнице кубарем скатились, так испужались... И бегом со двора!

Ч е л о в е к в ш л я п е. Замечательно. Нет, в самом деле, славно... А скажи-ка, братец, такая Кирхгоф Шарлотта Федоровна, не в этом ли доме обитает?

П а ш к а. Которая колдунья? Это – прошу покорно...

Ч е л о в е к в ш л я п е. Зачем колдунья? Известная гадалка. Весьма прозорливая. Говорят, судьбы провидит удивительно точно...

П а ш к а. Так-то оно так... Но... (Оглянувшись, доверительно.) Нечисто там, ваше благородие.

Ч е л о в е к в ш л я п е. Это почему же?

П а ш к а. Нечисто... Ваша правда – все, что Кирховша нагадает, все, как есть, сбывается. Но токмо самое худое. А чтобы что хорошее... Того не бывает. Злобная она. Вы бы не ходили.

Ч е л о в е к в ш л я п е (неуверенно). Все же надо сходить...

П а ш к а. Ну, я уведомил. Только на меня, чур, не ссылаться. В девятом нумере немка живет. С горничной, звать – Катерина. Но их сейчас дома нет – к заутрене поехали. Потом в Гостиный двор, в лавки... Кубыть, нескоро придут.

Ч е л о в е к в ш л я п е. Нескоро... Тогда вот что. (Достает листок бумаги, что-то быстро пишет карандашом.) Передай ей, любезный, вот это. Как появится. (Дает П а ш к е вместе с пятаком.) А лужа у тебя знатная! Просто... Черное море, а не лужа! Гусей не завел еще?

П а ш к а (шмыгнув, весело). Не-а!

Ч е л о в е к в ш л я п е. В какой-нибудь Италии такой и не сыщешь! А?

П а ш к а. Не могу знать, ваше сясество – не бывал-с!

Ч е л о в е к в ш л я п е. Трактира нет ли поблизости? Чаю бы испить.

П а ш к а. Так тут рядом, за углом. Именуется – «Услада друзей». Вывеска, то есть, висит – приманчивая. Тама и чаю... можно.

Ч е л о в е к в ш л я п е. Что ж – насладимся. (Задумавшись). Ты, брат, с такою-то лужей прямо в историю попадешь, видит Бог... Или в литературу русскую. (Уходит, бормоча под нос.) Поприскин, да... А если, например, Поприщин?

П а ш к а недолго смотрит ему вслед, разворачивает записку, читает, потом вместе с пятаком прячет в карман фартука. Прихрамывая, подбирая по дороге брошенные медяки, к нему приближается шарманщик, закончивший, наконец, свой убогий концерт. Останавливается рядом и вдруг оглушительно чихает.

П а ш к а. Здравствовать... желаю.

М у з ы к а н т (слегка заикаясь и поправляя маленькие круглые очки). Б-благодарствуйте. (Тихо.) Ты видел, Крис? Видел?! Прямо по моей теме!

П а ш к а (тоже негромко). Не ори.
М у з ы к а н т. Он?
П а ш к а. Похоже.
М у з ы к а н т. Но п-почему?
П а ш к а. Кирхофшу спрашивал.
М у з ы к а н т. Выходит, он о ней знал! Ты об этом читал где-нибудь?!

П а ш к а. Слушай, не возбуждайся. И вообще... (Оглядывается.) Сюда больше не ходи.
Я спалился.
М у з ы к а н т. Кто?
П а ш к а. Купец. Я сразу заподозрил. Потом расскажу.
М у з ы к а н т. К-купец? Это который Пантелеев?
П а ш к а. Отчислением грозил.
М у з ы к а н т. Странно...
П а ш к а. Что странно?
М у з ы к а н т (снова оглушительно чихает). Незадолго до п-провала Мещерский при-
ютил одного пилота. На п-перевалке. Авария, уходил с Бородина... Так он шепнул Мишке...
(Совсем тихо.) Резидент тут у них никакой не Купец, а некто... П-погост. Загадочная личность.
П а ш к а. Как? Вообще не слышал...
М у з ы к а н т. Агентурный псинаним, как тут говорят. А кто это – пилот не знает. Зверь,
говорит, беспощадный. Шаг в сторону – расстрел. И на кладбище. Отсюда – П-погост.
П а ш к а. Комиссия исторической безопасности?
М у з ы к а н т. Aber natuerlich! (Ну конечно! – нем. яз.) Вот этот П-погост его вычис-
лил и домой отправил. С первой же полевой практики! Мишка, уходя, вышел на оперконтакт
и передал. (Молчание.) П а ш к а. Как оно было-то?
М у з ы к а н т. Говорили ему – носи преобразователь на шее, вроде оберега. Как все
нормальные люди.
П а ш к а. А он?
М у з ы к а н т. Перед баней сунул прибор в карман. И забыл, д-дурак. На мазурке взопрел,
естественно, полез за платком. Преобразователь выпал и – вдребезги. Скандал! Одежда, усы,
бакенбарды – все исчезло. Мечется, за колонны прячется, сам г-голый... Теперь на кафедре
объяснительную пишет. А такая тема была! «М-мифология русской дуэли»!
П а ш к а. Все испортил, поганец.
М у з ы к а н т. Вестимо. А что же, дорогой шеф, мы теперь б-будем делать? (Чихает.)
П а ш к а. Подумаем. Общий сбор в воскресенье. Место – прежнее.
М у з ы к а н т. Заводим Нуль-Т? А... Алекса?
П а ш к а. По-другому туда не доберешься. Зато спокойно. Алексу я сам доставлю... Ты
чего расчихался-то?
М у з ы к а н т. Т-табак нюхаю. Погружение в среду! Рапе. Хочешь?
П а ш к а. Ишь ты – рапе. Нищерброды, вроде тебя, такой не брали. Березинский нюхай.
Со стороны подвала доносится пьяная песня «Вспомним, братцы, Русь и славу!» Помогая
друг другу, во двор выбираются Т е л у ш к и н, В а л е н ю к и К у п е ц.
П а ш к а. В «Усладу» пошли – продолжать. Пошел черт по бочкам...
М у з ы к а н т. Как? Что сие означает?
П а ш к а. Попойку означает. Смертельную.
М у з ы к а н т. Хорошая поговорка, надо записать...
П а ш к а. Запиши, запиши... Тебе пригодится.
Ш а р м а н щ и к, чихнув напоследок, уходит в сторону трактира. Приобнимая друг
друга, троица медленно минует П а ш к у.
Т е л у ш к и н (В а л е н ю к у). А красота там какая! Дали какие, простор... Море видать!

В а л е н ю к. Каковы же были первые мысли ваши и, например, слова... (Спотыкается.)
Под пятою, станем так говорить, небесного ангела?

К у п е ц. Знамо, каки... В приличном обчестве не услышишь!

Т е л у ш к и н. Все слова, веришь ли, позабывал. Стою на коленях, за крест держуся
и токмо ору на весь белый свет: «Ур-ра!»

В с е (хором). Соловей, соловей, пта-ашечка! Канареечка жалобно поет!

Троица медленно удаляется. На мгновение К у п е ц оборачивается и одаривает П а ш к у коротким, трезвым и злым взглядом. П а ш к а со вздохом берет ведро, намереваясь идти к луже, но тут тихонько звякает ближайшее окно в первом этаже и раздается негромкий девичий голос.

Д е в а. Пашенька...

П а ш к а (нехотя подходя к окну). Ну? Чего тебе?

Д е в а. Что же ты, Паша, меня позабыл-позабросил? Ведь я тебя намеренно весь вечер прождала. И ночью глаз не сомкнула.

П а ш к а. Не мог я.

Д е в а. Ай разлучница завелася?

П а ш к а. Кака еще разлучница?

Д е в а. А Катька, змеюка красивая, что у провидицы в служанках?

П а ш к а. Ну и дуры вы, бабы, спасу нет.

Д е в а. Что ж сразу – дуры... А кто с ней тута втихаря лясы точил? Я все видела, все...
Смотри, Пашка!

П а ш к а. Точил – значит, надо было. Слово за Петра Михайловича замолвил. Поговори, мол, с бабкой... Может, микстуру даст, может – пошепчет чего-нить...

Д е в а. Все пьеть, поди...

П а ш к а. С водки своей в конец свихнулся. По ночам вскакиват – и давай дверь, чем попадая, заваливать. «Пришли, орет, за мной чертовы демоны... Щас мучать зачнут! Щас насосо-всем прибьют...»

Д е в а. Это он все по Анисье страдает. Ой, беда... Тута заговоры не помогут, Паша.

П а ш к а. Полночи с им провозился... От того и не пришел. Звиняйте нас покелева...

Д е в а. Пашенька...

П а ш к а. Ну?

17

Д е в а. Ой, Пашенька, голубчик, ты бы того... побывал, что ли, у меня-то... Не мил и свет, коли милого нет...

П а ш к а. Вот артельщик мой угомонится, тады, может... Да нет, навряд ли. Опять в трактир поперся. Коли не напьется, буяннить зачнет. Как такого оставишь... Ведь ён с тоски руки на себя наложить.

Д е в а. Пашенька, дружочек...

П а ш к а. Ну?

Д е в а. Это я без тебя скоро в петлю полезу. Или совсем с ума свихнусь.

П а ш к а. Не болтай.

Д е в а. Уже свихнулась. Вчерась, когда ждала тебя... (Округлив глаза.) Сызнова привидениев видела.

П а ш к а. От дура, чего мелет. Кого ты опять видела-то, заполошная...

Д е в а. Видела! Ой, страшно... Некие человеки из дверей вышли и пошли.

П а ш к а. Мало ли кто по ночам шляется.

Д е в а. Я и подумала – от Кирхофши, бесовки старой, гуляки идут. А присмотрелась – батюшки святы! Макаров, Иван, цырюльник наш... Ну тот, что год назад от горячки помер...

Идеть, как, скажи, живой! А за ним – жена его, Люся, та, что от водянки преставилась. Тоже выходить! Я аж обмерла вся... Стою, дыхнуть не могу!

П а ш к а. Что же они – в саванах, что ли, али в простынях?

Д е в а. Что ты? Не шути так, не ровен час... В одеждах своих шли, как и всегда выходили...

П а ш к а. Блазнит тебе...

Д е в а. Недаром бабы сказывали – на поганом месте Пантелеев дом построил. Кладбище тут было допрежь... Вот и ходют они, покойнички!

Во дворе появляется маленькая и скрюченная старуха Кирхгоф с горничной Катей. Окно в первом этаже мгновенно закрывается. П а ш к а суетливо подтягивает штаны и идет к вошедшим.

К и р х г о ф (еще издали, тыкая палкой в сторону П а ш к и). Двёрник! Verdammt noch mal! (Проклятье! – нем. яз.) Ты, грязный свинья!

П а ш к а. Не извольте браниться, Шарлотта Федоровна! Как вы в своем здоровье-с?

К и р х г о ф. Надо, надо тебя бранить, надо тебя убИвать и вешать, Du – bloede Esel (Ты – глупый осел – нем. яз.) и проклятый лентяй! Тьфуй!

П а ш к а (К а т е). Чего енто с ними?

К а т я. С апреля месяца, почитай, лужа под воротами стоит! Ноги больные у них, тяжело в обход-то, по канавам да огородам! Пошли было напрямки, по досточке, так все, что ни на есть, промочили! Ироды!

К и р х г о ф. Ты есть мерзкая Scheise! Рюсский пьяниц!

К а т я. Гроссмутер оскользнулись да со всего размаху в лужу-то и сели! (Выжимает платье.) А с ней и я, раба Божия!

К и р х г о ф. Тебя надо убИвать!

П а ш к а. Сей минут уберем-с, Шарлотта Федоровна!

К и р х г о ф. Молшать! Фуй на тебя!

П а ш к а. А вот письмецо вам велено передать! (П а ш к а торопливо достает записку и протягивает ее старухе.)

К и р х г о ф. Я ходить к господин Пантелеефф! Я тебя увольнять и выгонять! Вместе с твой мюжик! (К а т е, надменно.) Примите цеттель, ма шерИ. У, ленивый коров! (Изрыгая проклятия и потрясая тростью, старуха ковыляет к входной двери.)

П а ш к а (тихо, передавая записку). Мещерский сгорел. Общий сбор в воскресенье. Там же.

К а т я. Йоганн знает?

П а ш к а. Как же нам без дорогого нашего Йогана? Знает, успокойся. Испроси отгул, со мной полетишь.

Снова звякает окно в первом этаже.

Д е в а (громко). Все вижу, Пашка! Ой, вижу...

К а т я (тихо). Это еще что такое?

П а ш к а (тихо). Это такая... адаптация. Погружение в среду.

К а т я (тихо). Ну-ну. И часто ты так... погружаешься?

К и р х г о ф (кричит от входной двери). Катрин! Катрин! Komm zu mir, bloede Dirne! (Иди ко мне, глупая девка! – нем. яз.)

К а т я. Бегу, баушка! (П а ш к е.) От тебя вот никак не ожидала! (Спешит к старухе.)

Д е в а. Пашенька... Голубочек!

П а ш к а. Да что ж ты пристала-то ко мне, как, скажи, блин к сковородке! Шпиёнишь все, проходу нет от тебя!

Д е в а. Брани, брани, Пашенька... Заглянул бы вечер, светик. Буде любишь, так скажи, а не любишь – откажи!

Во двор осанисто вдвигается квартальный надзиратель Иван Степанович Михеев.

Д е в а. Ой, мама... (Захлопывает окно.)

М и х е е в (оглядывается, замечает П а ш к у). Подь сюды.

П а ш к а. Здравия желаем!

М и х е е в. Ты не дворник.

П а ш к а. Никак нет-с!

М и х е е в. Где?

П а ш к а. А с господином Пантелеевым, Лексей Лексеичем и господином писателем, как звать – не знаю, в трактир прошествовали. Книгу об ём пишу.

М и х е е в. За враньё – оштрафую. И на съезжую.

П а ш к а (крестится). Ни Боже мой – в «Усладе» оне! Шоб мне повылазило!

М и х е е в (с угрозой). Гуляем всё...

П а ш к а. Никак нет-с – изволят статейку сочинять. Про беззаветный подвиг сына Отечества.

М и х е е в. Я этому сыну пока что только штраф пропишу. На первый раз.

П а ш к а (оглядываясь, быстро достает свой пятак, сует в руку квартальному). Не погнущайтесь, ваше благородие, жену евонную помянуть. Ноне у них – годовщина... Ну, помните? Анисья, утопшая... Беспартошная.

М и х е е в. Что ты мне тут суешь?

П а ш к а. А лужу мы того... сей же момент вычерпнем. Это мы скоренько!

М и х е е в (смягчившись). Так бы и сказал. (Прячет пятак.) А то – кни-игу пишу... (Посуровев.) Поприскин Антон, сын Михайлов, титулярный советник... Вот тот, что на излечение нынче отправлен в Обухвинскую... Требуется составить вещественную опись и опечатать.

П а ш к а. Так я проведу, ваше благородие... Ключ-то доктора мне оставили... Тута он проживал, в четвертом этаже... (Ведет квартального к двери.) Не извольте беспокоиться...

Проходят в дом. Двор пустеет.

Сцена третья в которой ведутся странные разговоры о городе Петербурге и его жителях

Трактир «Услада друзей». За длинным столом, уставленным бутылками и мисками, сидят Телушкин, Купец и Валеньюк. Поодаль пьет чай и читает газету Человеквшлапе. В углу, на лавке, «христа ради» примостился Музыканти. Летает половой с подносом, в глубине хозяин трактира, зевая, протирает посуду. Больше в заведении, по раннему времени, никого нет.

Валеньюк. Чела... эк!

Половой. Слушаю-с!

Валеньюк (указывая на Телушкина). Скажи-ка, братец, вот сия борода – кто он таков?

Половой (присматриваясь). Сия? Да знамо... Дворник здешний.

Валеньюк (со значением оглядев приятелей). А еще кто-с?

Половой. Не могу знать-с. Просто дворник. Заходит другой раз.

Валеньюк. Петя, душа... Сделай ему свой, станем говорить, намек!

Телушкин, посмеиваясь, щелкает себя по горлу.

Половой (качает головой). Не взыщите, барин, в долг ему нипочем не понесу. Не отда-еть, пролаза! Вот ежели вы за него уплотите, да за прошлые разы, да за стекло побитое, то за нами не постоит...

Купец. Ладно, ступай... Стой! Еще штоф. Да чаю неси...

Половой. Сей минут-с. (Убегает.)

Телушкин. Вот те и милость царска... Тут хоть как представляй, без деньги не нальют. Ишо по той же шее и надают.

Купец. Тебе-то? Видели уж, молчи. Как на съезжую тебя отсель таскали. Верите ли, господин писатель, в одиночку шестерых отбутылил. Добро бы еще, пьян был. Оно бы и понятно. Так нет – тверёзый в драку полез. Гвоздила...

Телушкин. Обидно мне стало. Я им – про спиц, про способ свой, а они – глумиться. Не можно, кричат, токмо на руках влезать. Человек, мол – не муха какая, прости Господи, по спицам ползать.

Валеньюк. Однако же, голубчик, их тоже можно понять. Сила здесь, станем говорить, надобна богатырская.

Телушкин. Дай пятак, барин.

Купец. Дайте, Аристарх Осипович, дайте. Возверну, ежели что.

Валеньюк с недоумением протягивает монету. Телушкин, побагровев, в одно мгновение сгибает ее и швыряет на стол. Монета звякает о стакан. Молчание. Человеквшлапе, отвлекшись на секунду, вновь шелестит газетой. Привставший Музыканти поправляет маленькие треснутые очки и снова садится. Прибегает Половой с подносом, смахивает со стола крошки, ставит штоф, чашки с чайником и собирает грязные тарелки.

Хозяин трактира. Они тады двоих так-то свернули, да в окошко-то и кинули-с.

Валеньюк (икнув). Благословил же Бог силушкой...

Телушкин. А не шути со мной, коли не знашь. (Распрямляет пятак и возвращает Валеньюку.) Да я это... ничего. С сердцов махнул. С полицией же не дрался, закон знаем.

Хозяин трактира. Лучше б набрался. У нас ведь как: хмельного буюна – на полати, тверёзого – на цепь.

Купец. Заносить полицейским пришлось. Одни от него убытки.

Т е л у ш к и н. О, о...

К у п е ц. Свезло еще, что случай тада приключился. Отвлекло их маленько, в участке-то.

В а л е н ю к. А что такое?

Т е л у ш к и н. Самоубийцу доставили. Бритвой себе по горлу полоснул. Весь в крове лежал.

В а л е н ю к. Самолично? Сам себе перерезал?

К у п е ц. Говорят, художник некий. Студент... Любовь несчастна али как. Но вот что примечательно: нашли у него на квартире опий. Это, понимаете ли... да. Совсем распустились. (Шумно прихлебывает чай.)

В а л е н ю к. Что же следствие?

Т е л у ш к и н. Да кто ж его знат... Страха в народе не стало. (Разливает всем в рюмки и сам первый выпивает. За ним – остальные.)

К у п е ц. Бога забыли, вот что. Слыхал я, нынче уже и на Дворцовой площади раздевают.

В а л е н ю к. Истинно! О сем и сам Пушкин, Александр Сергеевич, мне поведал – на днях там атакован Сухтельн. Герой двенадцатого года. Страшно стало в России жить, господа!

Ч е л о в е к в ш л я п е внимательно смотрит на него поверх газеты.

Т е л у ш к и н. У государя под самым носом грабуют. Так это что! Слыхал я, объявился на Васильевском острове один.

В а л е н ю к (икнув). И что же-с?

Т е л у ш к и н. Шинели с прохожих сдирает, шельма.

В а л е н ю к. Только шинели?

Т е л у ш к и н. Токмо. И поймать его, сказывают, никакой возможности нет. Потому как ён – и не человек вовсе.

В а л е н ю к. А кто же?

Т е л у ш к и н. А призрак.

К у п е ц. Небылица...

Ч е л о в е к в ш л я п е глухо кашляет и отпивает из чашки. В глазах его мелькает веселая искорка. М у з ы к а н т смотрит на него, в волнении поднимается с места, прижимает к груди шляпу и тихонько подбирается к беседующим.

К у п е ц. Ты ври, да не завирайся. Шинель... Почему токмо шинель? А фрак тама, сюртук... сапоги? Грабить, так уж грабить. Чего уж.

Т е л у ш к и н. Это вам, воротилам, виднее – как насчёт пограбить. А я – как Марфушка передала. Та, что с блажным проживала.

К у п е ц. Марфушка мало ли что набрешет. Скажет – у будочника нос отвалился, да и встал в будке во фронт. С алебардою. Ты и тады поверишь?

Ч е л о в е к в ш л я п е неожиданно громко прыскает и снова закрывается газетой.

К у п е ц. Люди уже смеются... (Замечает М у з ы к а н т а.) Тебе чего?

М у з ы к а н т (на ломаном русском). Я есть... бедный музыкмахер. Я п-пришель... из Пруссия. Не пустят ли господа... на кусок хлеба. Und Platz nehmen... Bitte... (И присесть... Пожалуйста... – нем. яз.)

Т е л у ш к и н. То шарманщик. Пиликает у нас по все дни. Пустим, что ли?

К у п е ц (равнодушно). Садись. Ешь и пей, знай душу русскую.

М у з ы к а н т. Ich bedanke mich... (Благодарю – нем. яз.) (Проворно подсаживается к Т е л у ш к и н у.)

Т е л у ш к и н (наливая ему и придвигая тарелку). Орудия-то где твоя, музыкальна? Люблю я послушать другой раз... Сыграешь, нет?

М у з ы к а н т (с полным ртом). А-бу-бу... и ваю...

Т е л у ш к и н. А привидения... Что ж далече-то ходить, когда оне уже и у меня по двору шастають. Сам видел.

К у п е ц. Тьфу! Что это тебя, брат, куды понесло! Хотя б ты, брат, закусывал!
Т е л у ш к и н. Не ставил бы дом на погосте, оне бы и не бродили. С нечистой шутишь,
Лексеич.

К у п е ц. Тя не спросил.

В а л е н ю к. Это, государи мои, все не просто так. Это принципиально город такой.
Болотный город, зложелательный... На пять верст вверх и на столько же вниз – заговоренный.

Т е л у ш к и н (осторожно, для поддержания беседы). Это – да. В туманах-то, бываеть,
и не различишь – живой там человек бредеть али мертвец какой.

М у з ы к а н т. Т-таков же и Кениксберг... Geheimnisplatz! (Таинственное место! –
нем. яз.)

Т е л у ш к и н (поглядев на него). Прелестное место, морок... Души в нем нет, вот что.
Мешок каменный. Зато в небесах над ним – размах, чистота... Я видел.

К у п е ц. А где же душа его?

М у з ы к а н т (неожиданно). А дьяволу п-продал! Как Фауст!

К у п е ц. О как! Каку же цену взял?

М у з ы к а н т (опомнясь). Не... понимайт. Что есть... цену взял?

К у п е ц. За что продал-то, я говорю?

Т е л у ш к и н. За красоту свою, не иначе. Я-то повидал со шпица. Город лежит великий,
спокойный. Это ежели сверху глядеть.

В а л е н ю к (уже сильно пьяный). Антихрист, господа!

К у п е ц (бегло крестясь). С нами крестная сила... Какой еще антихрист?

В а л е н ю к. Город сей ставил! Вертеп сей гнусный, будем говорить... Всем прочим
народам – в устрашение-с.

К у п е ц. Э, Аристарх... Да ты, брат... того.

В а л е н ю к. Отнюдь нет! Избрал сей черт для проживания народ наш, темный и варвар-
ский... Леса и болота обитающий. Апотеоз невежества... Но коварный сей враг, дабы дикарей
изумить и искусить, призвал на службу лучших архитекторов европейских. Они сей град и воз-
двигли!

Т е л у ш к и н (негромко). Русские мужики его воздвигли.

В а л е н ю к. И хам сей грядет! Тому есть зловещие знаки и презд... знаменования.

К у п е ц. Закуси, голубчик...

В а л е н ю к. Мерси! (Икнув.) В аукционном доме торговали портрет. Такую, станем
говорить, необычайную парсуну, кисти и ценности величайшей. С высоким искусством без-
вестный живописец изобразил... некоего старца, по виду – азията-с. Взгляд у того был страш-
ный, прямо сказать, живой – пронзал наблюдателя насквозь. Кто на тот портрет смотрел, тер-
пел в последствии времени нужду, несчастья и болезни, впадал в тоску и смертельную истому.
И что же-с?

К у п е ц. Что-с?

В а л е н ю к. Исчез портрет! В самый, станем говорить, торговый пик-с! Посредине
ясного дня! Прямо со стены пропал!

К у п е ц (крестясь). Сгинь, сгинь, рассыпья...

Т е л у ш к и н (снова всем разливая). Поперли под шумок, вот и вся недолга. Это у нас
легко.

В а л е н ю к. Ха, если бы! (Трясет указательным пальцем, потом пригибает к себе головы
слушателей и говорит грозным шепотом.) Дьявол забрал свое собственное отображение! То
был зловещий знак! Не зря предки рекли: быть Петербургу пусту! Оный портрет явился тем же
днем отроку Иоанну в невских водах... Аккурат у алексеевского равелина. Он его выловил,
взглянул в те глаза и... окаменел. И ведь что примечательно-с...

К у п е ц. Что-с?

В а л е н ю к. Случилось сие в те самые поры, когда Петенька наш на шпигу взбирался.

Т е л у ш к и н. Что-то, воля ваша, не встречал я там... окаменелых. Солдатов на часах видал, рыбаков видал... Мореходов... С монетного двора людишки... тачки тягали. А отрока не видал, вот те крест.

В а л е н ю к. Такое не каждому узреть дано! Сей несчастный Иоанн, как был – с парсуной в руках – так там же и утонул. А на то самое место... Тс-с! Слушайте все сюда... (Снова пригибает к себе головы и переходит на зловеющий шепот.) Должен был ангел со шпигу слететь. Бурей как раз надломленный! (Привлекает к себе Т е л у ш к и н а.) То ведь не просто ангел был, Петруша! А ты и полез, приятель... Простодушная твоя натура... Дай, я тебя поцелую! (Тянется к Т е л у ш к и н у целоваться, к его неудовольствию.) То ведь тоже знак был! П а д ш и м ангелом символ сей рухнуть намеревался! А что такое есть п а д ш и й ангел?

К у п е ц. Что-с?

В а л е н ю к. Тс-с! Вот то-то и оно-то!

К у п е ц. Выходить, Пётра, ты что? Ты, что ли, выходить, спаситель наш?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.